

А. Е. Мусин

ПАЛОМНИЧЕСТВО И ОСОБЕННОСТИ
«ПЕРЕНЕСЕНИЯ САКРАЛЬНОГО»
В ХРИСТИАНСКОЙ ЕВРОПЕ¹

Материализация феномена паломничества и ее динамика в христианскую эпоху продолжает оставаться одной из нерешенных проблем христианской культуры поздней Античности и Средних веков. Создание локальных вариантов «archéologie de pèlerinage» не исчерпывает проблему именно в силу своей территориальной и хронологической ограниченности. Общее и особенное в культуре приобщения к «удаленному сакральному» может быть выявлено лишь в процессе изучения феномена «большой временной длительности» и широкой культурной географии.

В настоящее время можно считать доказанным, что становление материальной культуры личного благочестия («objects of private devotion», «les objets de dévotion individuelle») в V–VII вв. было связано преимущественно с паломническими инсигниями, известными археологически и представленными, прежде всего, в виде керамических штампов с изображениями событий Евангельской истории². В сознании тогдашнего общества они воспринимались как «печать» (sigillum,

¹ Работа выполнена в рамках программы Отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории».

² Мусин А. Е. Археология «личного благочестия» в христианской традиции Востока и Запада // Христианская иконография Востока и запада в памятниках материальной культуры Древней Руси. СПб., 2006, с. 163–222; Biddle M. Objects and Economy in Medieval Winchester / Winchester Studies. T. 7i. 1990, p. 760; Pitarakis B. Female piety in context: understanding developments in private devotional practices // Images of the Mother of God: Aldershot; Burlington. 2005, p. 153; Damians d'Archimbuad G. Les fouilles de Rougiers (Var). Contribution à l'archéologie de l'habitat rural médiéval en pays Méditerranéen. Valbonne, 1980, p. 525

sfragis), удостоверяющая посещение конкретным лицом святых мест³. Одновременно (середина V–VI вв.) возникает иная категория паломнических реликвий, наследующая традицию античных пиксид, но воспроизводящая их в форме полого креста, преимущественно из драгоценных металлов, внутрь которого, очевидно, вкладывалась почитаемая реликвия из Иерусалима. Впоследствии реликварная функция крестовидных подвесок была утрачена. Речь идет о знаменитом процессе «эмансипации креста», который происходил параллельно с «эмансипацией Распятия», подробно исследованной А. Картсонис⁴. Именно отсюда ведет свое начало традиция «нательных» крестов, зародившаяся в Византии, но пережившая расцвет на Руси.

Первый способ восприятия паломнических инсигний, связанный со «знаменованием» предмета, более архаичный, продолжает свою историю в латинской культуре Западной Европы, которая сохраняет «прикладное» понимание христианской символики, декорирующей внешние проявления быта и рассчитанной на социальный эффект. Это объясняет практическое отсутствие предметов личного благочестия с иконографическими сюжетами в этом культурном ареале и приоритетное распространение крестовидных накладок на одежду и бытовые предметы. В связи с этим характерна судьба предметов личного благочестия византийской традиции, попавших в латинский культурный контекст. Предназначенные, по замыслу их создателей и изначальных пользователей, к освящению сферы частного, здесь они на протяжении поколения теряют свою первичную функцию, становясь частью литургического пространства, будучи средством освящения престола или предметом общественного культа в виде реликвария. Так, серебряный крест-энколпион с черневым изображением Божьей Матери в рост, держащей Младенца перед грудью, в типе Кириотисса и надписью в медальонах на боковых ветвях МФ ФУ (63×32×14 мм), был найден в Aiguilhe (Haut-Loire) под престолом часовни св. Михаила в контексте вещей XII в., которые вместе с ним служили закладными святынями при освящении церковного здания. В аббатстве Charroux (Vienn) был обнаружен византийский эмальерный медальон X–XI вв. (30×25 мм) с изображениями свв. вмч. Димитрия и Пантелеймона и Божией Матери, предстоящей Распятию, и надписью «Се сын Твой», который был вставлен в романский реликварий соответствующей формы с изображениями Христа с

³ *Vikan G.* Art, Medecine and Magic in Early Byzantium // DOP. V. 38. 1984, p. 65–86; *Vikan G.* Byzantine pilgrims' art // *Vikan G.* Sacred images and sacred power in Byzantium. Aldershot, 2003, p. 13–43.

⁴ *Kartsonis A.* The emancipation of the Crucifixion // *Byzance et les images: cycle de conférences organisé au musée du Louvre par le Service culturel, du 5 octobre au 7 décembre 1992 / Sous la dir. d'André Guillou., et de Jannic Durand...* Paris, 1994, p. 151–187.

лилией и крестом и Христа благословляющего⁵. Характерно, что отмеченная здесь функция внешней репрезентации паломничества, связанная с ее общественным и литургическим значением, была закреплена богословской мыслью эпохи Каролингов⁶, что вплоть до нового времени практически исключало использование в быту предметов личного благочестия.

К XIII в. это стремление к сакральной репрезентации реализуется в массовом производстве типовых паломнических инсигний (свинцовые значки, раковины св. Иакова)⁷. В археологически известной древнерусской культуре такого рода предметы единичны, представлены преимущественно раковинами св. Иакова и должны рассматриваться как результат межкультурных контактов особого рода (Новгород, Русса, Изьяславль)⁸. Основной категорией паломнических реликвий в восточно-христианском мире вообще и в Древней Руси в частности становятся экнолпионы и нательные кресты, которые в ряде случаев были репликами объемных реликвариев. В качестве одной из наиболее характерных паломнической реликвии Святой земли в XII–XIII в. служили крестики характерной формы из перламутра (Новгород, Псков, Смоленск, Звенигород, Автуничи, Херсонес)⁹ (рис. 1) Мастерская по их производству, обнаруженная в замке Атлит на Святой Земле близ Хайфы, характеризуется франкским этническим окружением¹⁰. Однако французская средневековая культура осталась невос-

⁵ France Roman qu temps des premiers Capétiens (987–1152). Paris, musée du Louvre, 10 mars — 6 juin 2005 [Catalogue de l'exposition]. Paris, 2005, p. 163, № 10; *Frolow A.* Le médaillon byzantin de Charroux // *CahArch.* № 16. 1966, p. 39–50, ill. 2, 4–6.

⁶ *Wirth J.* L'image médiévale. Naissance et développements (VIe–XVe siècle). Paris, 1989, p. 164, 179.

⁷ *Bruna D.* Enseignes de pèlerinage et enseigne profanes. Catalogue. Paris, 1996; *Tixador A.* Enseignes sacrées et profanes médiévales découvertes à Valenciennes. Un peu plus d'un kilogramme d'histoire. Valenciennes, 2004.

⁸ *Пескова А. А.* Паломнические реликвии Святой Земли в древнерусском городе // Пилигримы. XX Междунар. конгресс византистов. Париж, 19–25 авг. 2001. Государственный Эрмитаж. СПб., 2001, с. 123; *Мусин А. Е., Торопова Е. В., Торопов С. Е.* Распятие с предстоящими из археологических находок в Старой Руссе — уникальный памятник древнерусской иконописи первой половины XIII в. // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 2003. М., 2004, с. 618–627.

⁹ *Мусин А. Е.* Археология древнерусского паломничества в Святую Землю в XII–XV вв. // Богословские труды. К 150-летию Русской Духовной миссии в Иерусалиме (1847–1997). М. 1999. № 35, с. 92–110; *Голофаст Л. А., Рыжов С. Г.* Раскопки квартала в северной части Херсонеса // МАИЭТ № 10. 2003, с. 217, рис. 22-3; *Колтакова Ю. В.* Некоторые разновидности нательных крестиков средневекового Пскова // РА № 1. Январь–Февраль–Март. Москва, 2005, с. 143–146, рис. 1.

¹⁰ *Johns C. N.* Pilgrims Castle (Atlit), David Tower (Jerusalem) and Qalat ar-Rabad (Ajlun). Three Middle Eastern Castles from the Time of the Crusades. Vermont, 1997, p. 15–17, 119–120, 147, 149 pl. LX fig. 2; *Knights of the Holy Land: The Crusader Kingdom of Jerusalem* / Ed. by Silvia Rozenberg. Jerusalem. 1999, p. 119, 322, fig. 6; *Crusader archaeology: the material culture of the Latin East* / Adrian J. Boas. London, New York. 1999, p. 183.

приимчива к этой форме реликвий — среди известных христианских древностей этого времени подобные кресты не представлены. Они изготовлялись исключительно в качестве «религиозного экспорта».

В то же время мы полагаем, что традиция копирования и перенесения сакрального пространства в его цельном виде получила свое рождение именно в западно-европейской культуре. Не стоит забывать, что меры и подобию Гроба Господня, известные и на Руси, были принесены игуменом Даниилом и Добрыней Ядрейковичем из латинизированной Палестины. Следовательно, они не столько соответствовали образу древнерусского восприятия святых мест или наследовали модель восточно-христианской культуры, сколько следовали стереотипам, характерным для эпохи крестоносцев. Эта латинская культура Палестины экспортировала в Европу пространственные формы паломнических peregrinations, к которым, по нашему мнению, восходят все последующие попытки копирования и воспроизведения храма Воскресения Господня в Иерусалиме. Церкви и часовни-ротонды, начиная с известных построек в Фульде (820 г.) и Неви (сер. XI в.), воспринимались в контексте их возможного «заместительного значения» (iconlike value) или как реакция на развитие паломничества, средство побуждения к нему¹¹. Однако существуют и более близкие по структуре модели: одна из самых ранних копий иерусалимского Кувуклия была высечена в XII в. в скальном грунте в Aubeterre-sur-Dronne (Guyenne) на юго-западе Франции и помещена в центр апсиды подземной церкви (рис. 2). Впрочем, со временем местное понимание того, что в этом сооружении воплощена память о Гробе Господне, было утрачено¹².

Однако именно христианский восток подхватил эстафету в этом моделировании сакрального пространства. Впрочем, в соответствующий период здесь можно было наблюдать иную тенденцию, связанную, если угодно, с «приватизацией» литургического пространства в целях его использования как предмет личного благочестия. Особенности «перенесения сакрального» на Востоке хорошо определимы на примере судьбы камня, получившего в древнерусской традиции название «камень аспиден зелен», а в латинской — *Marbr Laconicus Spartaee* или *Porfirido Verdo Antiquivo* (*Porfiro serpentine verde*, ср. фр.: *Porphyre Vert Antique de Crocée*). Этот камень темно-зеленого цвета с небольшими светло-зелеными вкраплениями правильной геометрической формы от-

¹¹ “A large number of medieval copies of the Holy Sepulcher were constructed as the result of pilgrimage”, “architectural response to the ritual of pilgrimage”. См.: *Ousterhout R. Locus sancta and the Architectural Response to Pilgrimage // The Blessings of Pilgrimage / Ed. R. Ousterhout. Illinois Byzantine Studies. 1. Urbana. 1990, p. 117, 118.* Впрочем, в данном случае речь идет именно о репликах храма Гроба Господня или его элементов.

¹² *Azire V. Promenades en France Romane. Paris, Bruxelles, Montreal, Zurich. 2001, p. 104–105.*

носится к плагиоклазовым андезитовым порфирирам¹³. Зеленый цвет обусловлен присутствием окислов железа. Иногда его неверно определяют как листвинид, серпентин, змеевик, сланец или даже яшма. Проведение естественнонаучных исследований и петрографического анализа позволило раз и навсегда причислить этот камень к андезитово-порфирировым породам. В эпоху античности и вплоть до зрелого средневековья единственным местом добычи такого камня была Крокея на полуострове Пелопоннес близ Спарты. Отсюда еще одно название камня — крокеит. Само выработанное месторождение было обнаружено французской Морейской экспедицией в 1833 г.¹⁴

Замечательные декоративные свойства, мягкий и благородный колорит этого камня объясняют то, что со времен римской античности он использовался для украшения общественных зданий, в частности в технике *opus sectilae*¹⁵. Античные писатели Марциал, Ювенал, Пруденций, Сидоний Апполинарий, Григорий Нисский и Павел Силенциарий дружно описывают его красоту, служащую украшению храмов и общественных зданий¹⁶, хотя иногда в описаниях этот камень можно перепутать с другим зеленым камнем — *breccia verde*. Этот камень использовался для создания колонн баптистерия лютеранского храма Св. Иоанна Предтечи, алтаря церкви Св. Сабины в Риме¹⁷, для украшения храмов Св. Полиевкта и Св. Софии в Царьграде. Исследователи отмечали, что характеристика мраморного разноцветья храмов в византийской литературе связана с семантикой перемещения в пространстве. Это позволяет раскрыть дополнительный смысл использования в храмовой культуре многоцветия камня, создающего ощущение движения, а динамика смены цвета, соответствующая изменению мест литургического действия, формирует собственные ритмические потоки¹⁸.

¹³ Я выражаю глубокую признательность заведующему отделом Центрального научно-исследовательского геолого-разведочного музея им. акад. Ф. Н. Чернышева С. В. Мамонова (Санкт-Петербург) за проведение петрографического анализа, определение породы камня и необходимые консультации.

¹⁴ *Breamer F.* La rôle des pierres précieuses et nobles dans l'ornementation dans l'Antiquité et le Haut Moyen Age // *Les roches décoratives dans l'architecture antique et du Haut Moyen Age* / Dir. P. Chardon-Picault, J. Lorenz, P. Rat, G. Sauron. Paris, 2003, p. 89–120; *Perrier R.* *Marbres de Grèce continentale et du Péloponnèse* // *Le Mausolée*. № 642. Février. 1990, p. 67–85; *Idem.* *Les roches du Bassin Méditerranéen et la mosaïque* // *Rencontres Internationales de Mosaïque à Chartres*, 23 octobre 2004. Chartres, 2004, p. 36–38; *Idem.* *Les roches ornementales*. Ternay [France], 2004.

¹⁵ *Aurea Roma. Dalla città pagana alla città cristiana* / Ed. E. La Rocca. Roma, 2000, p. 531. № 173.

¹⁶ *Gnoli R.* *Marmora romana*. Roma, 1988, p. 36–38, 45, 50, 141–144.

¹⁷ *Ibidem.* P. 143.

¹⁸ *Kiilerich B.* The aesthetics of marble and coloured stone // *Proceeding of the 21st International Congress of Byzantine Studies*. London, 21–26 August, 2006. Vol. II. Abstracts of panel papers. Aldershot, 2006, p. 238–239.

В случае со Св. Софией исследователи традиционно обращали внимание на выложенные зеленым «реки» (rhinaí) в наосе храма, связанные с проследованием стациональной литургии и различными этапами развертывания богослужебного действия¹⁹ (рис. 3). Однако этот же камень использовался и для изготовления декоративных панно различной формы, частично сохранившихся в нижней галерее храма²⁰. При натурном обследовании выяснилось, что некоторые медальоны в действительности отсутствуют. Они были обнаружены нами в фонде Томаса Уитмора, Византийский институт (Византийская библиотека Коллеж де Франс) в Париже²¹ (рис. 4-1-4) Таким образом, камень действительно отмечал движение и остановки литургической процессии.

Очевидно, эти процессии были связаны с императорскими церемониалом. Заметим, что камень зеленого цвета, в данном случае фессалийский мрамор, использовался и в верхней галерее собора, выделяя квадратное пространство, которое традиционно связывается с присутствием императрицы (рис. 5). Ж. Дагрон указывает, что подобные линии, одна из которых, самая восточная, была выполнена в виде буквы «П», существовали и на Константинопольском ипподроме²². Назначение этих линий, помимо всего прочего, связывается исследователем с сакральным пространством вокруг императора: никто не имел право пересечь их без разрешения василевса. Этот символический барьер не только обеспечивал его безопасность, но и указывал на то, что любой выход императора сопровождается встречей двух миров — горнего и дольного.

В связи с этим обращает на себя внимание и темно-зеленый фессалийский мрамор, которым выложен порог Св. Софии у царских врат. В данном случае, в контексте сакрального характера императорской власти в Византии и усвояемого ею священнического достоинства, уместно

¹⁹ *Xydis S. G.* The chancel barrier, solea and ambo of Hagia Sophia // *The Art bulletin*. A quarterly published by the colleges art association of America. 29. 1947, p. 1–25; *Mathews T. F.* The Early churches of Constantinople: architecture and liturgy. London, 1971, p. 120; *Idem.* The Byzantine Churches of Istanbul: A Photographic Survey. London, 1976, p. 300, fig. 31–64; *Majeska G. P.* Notes on the Archeology of St. Sophia at Constantinople: the Green marble Bands on the Floor // *DOP* 32. 1978, p. 299–308; *Dagron G.* Constantinople imaginaire: études sur le recueil des Patria / Bibliothèque byzantine. Etudes. 8. Paris, 1984, p. 207, 254.

²⁰ *Mathews T. F.* The Byzantine Churches of Istanbul: A Photographic Survey. London, 1976, p. 300, fig. 31–59.

²¹ Я благодарю руководство и сотрудников Фонда и библиотеки, в особенности госпожу Катрин Пиганоль, за любезную возможность обследовать камни, измерить их, взвесить и сфотографировать. Je remercie cordialement les responsables de Fonds Thomas Whitemore — Institut Byzantin et de la Bibliothèque Byzantine du Collège de France et surtout Mme. Catherine Pigagnole pour la permission aimable de faire connaissance *de visu* avec les panneaux décoratives en Porphyre Vert Antique de Crocée, qui se trouvent à Paris.

²² *Dagron G.* Empereur et prêtre: étude sur le “césaropapisme” byzantin. [Paris], 1996, p. 109, 113.

вспомнить пророчество Иезекиля о затворенных восточных воротах нового Иерусалимского храма, которыми пройдет лишь «Святой Израилев»: ни один человек не сможет пройти ими, за исключением князя-игумена, который сядет здесь есть хлеб пред Господом и будет входить и выходить через притвор этих врат. Это пророчество читается ныне в православной традиции в качестве паремии на Богородичные праздники (Иез. 44: 1–4). Очевидно, мы можем наблюдать здесь отождествление в византийском сознании представлений о христианской миссии императора с некоторыми аспектами восприятия Христа как Мессии. Таким образом, помня о зеленом как особом императорском цвете в империи Ромеев вообще, мы должны отметить, что зеленые реки не только структурировали богослужебную планиграфию храма, но и замыкали это пространство в целом, указывая на существующие границы. Отметим одновременно, что и позднеантичное сознание, и ритуал не делали принципиального различия между породами зеленого камня, используемого в архитектуре, будь то крокеит или другие плагиоклазовые породы.

Обратимся к иным случаям использования крокеита в храмах Константинополя. В монастыре Пантократора в XII в. зеленый камень использовался в мозаичных полах центрального и южного храмов²³. Он вновь маркирует связь с императорским и Божественным присутствием. Замысел семейства Комненов, как он открывается некоторым современным исследователям, состоял в имитации пространства храма Воскресения Господня в Иерусалиме с камнем помазания и собственно императорской гробницей²⁴ (рис. 6). Двумя столетиями позже, в XIV в. в Карие-Джами интересующий нас камень также выделяет царственное пространство, но это уже Царь Царей, преподаваемый верным в Евхаристии²⁵. По замыслу архитектора, очерченный крокеитом квадрат в преддверии солеи маркирует, по всей видимости, место причастия. Архитектоника храма и расположение алтарных окон, учитывающие природные факторы, в определенный момент дополнительно выделяют это пространство солнечными лучами, как во всем объеме храма, так и в сознании причастника. Присутствие солнечного света в таинстве зримо напоминает реальное присутствие в нем Солнца Правды (рис. 7).

Своеобразной экклезиологической «узурпацией» на этом фоне выглядят попытки Студийской общины активно использовать зеленый пор-

²³ Mathews T. F. *The Byzantine Churches of Istanbul: A Photographic Survey*. London, 1976, p. 88–89, fig. 10-24, 10-25.

²⁴ Ousterhout R. *Architecture art and Komnenian Ideology at the Pantokrator Monastery // Byzantine Constantinople: monuments, topography and everyday life / Ed. by Nevra Necipoglu*. Leiden; Boston; Keln: Brill, 2001, p. 133–150.

²⁵ Mathews T. F. *The Byzantine Churches of Istanbul: A Photographic Survey*. London, 1976, p. 40–42, 55, fig. 8-24.

фирит в мозаичном убранстве пола своей базилики, которые могут быть датированы второй половиной — концом XI в.²⁶ (рис. 8-1, 2). Если наш «зеленый» камень действительно прочно ассоциировался со священническим достоинством царства, то в данном случае в его использовании монашеской общиной возможно видеть указание на царственное священство, принадлежащее всему народу Божию.

В сходном контексте, уточнить который не всегда представляется возможным, это камень приходит в каролингскую и оттоновскую Европу и в Древнюю Русь. Кроеит используется при украшении базилики Сан-Дени в конце VIII в.²⁷, собора в Бамберге в 1024 г.²⁸; в алтарном пространстве главной церкви аббатства Сан-Бенуа-сюр-Луар (Луарэ) есть вымостка начала XI в., также использующая наш камень. В житии местного аббата Гозелина сообщается, что мозаичный пол уже в готовом виде настоятель принес из «Romania» — то ли Рима, то ли Византии²⁹ (рис. 9). В Древней Руси интересующий нас камень присутствует в украшении омфалия Десятинной церкви 996 г. в Киеве (рис. 10)³⁰.

Французские исследователи чаще всего полагают, что в оформлении каролингских и меровингских построек этот камень использовался вторично, будучи извлечен из развалин строений гало-римского времени. Действительно, в ряде случаев такое преемство имеет место быть. Например, в Бургундии, в местечке Монт-Бювре, в процессе археологических раскопок найдены фрагменты такого камня, некогда украшавшие местное святилище — фанум, хотя вопрос о возможности их вторичного использования как в построенной на этом месте часовне VI–VIII вв., так и в храме X–XI вв., остается открытым³¹. Очевидно, что в большинстве случаев, особенно при отсутствии прямого континуитета, возможно предположить привоз в страны Восточной и Западной Европы в XI–XIII вв. фрагментов такого камня, происходящего из культовых построек предшествующего

²⁶ Mathews T. F. *The Byzantine Churches of Istanbul: A Photographic Survey*. London, 1976, p. 143, 144, 146, 154, 155, fig. 15-15, 15-16.

²⁷ Blanc A., Guyard L., Magnan D., Penisson E., Wiss M. *Les roches ornamenteles de quelques sites gallo-romains et du premier millenaire à Paris, à Saint-Denis et à Meaux, comparaison avec un ville du Sud: Perigueaux // Les roches décoratives dans l'architecture antique et du Haut Moyen Age / Dir. P. Chardon-Picault, J. Lorenz, P. Rat, G. Sauron*. Paris, 2003, p. 25–42.

²⁸ Здесь известен треугольный фрагмент этого камня, толщина 3,5 см, максимальная длина 6,8 см; FZ Nr. 55532; Kaiser Heinrich II. 1002–1024. *Catalogue d'exposition*. Augsburg, 2002, p. 196–199.

²⁹ *France Roman qu temps des premiers Capétiens (987–1152)*. Paris, musée du Louvre, 10 mars — 6 juin 2005. [Catalogue de l'exposition]. Paris, 2005, p. 252. № 191.

³⁰ Архимова Е. *Резной камень в архитектуре древнего Киева*. Киев, 2005, с. 28, 29. Рис. 11.

³¹ Beck F., Brunaux J. L., Gruel K., Enault J. F. *Mont-Beuvray: Fouilles de la chapelle (1984–1985) // Revue archéologique de l'Est et du Centre-Est consacrée aux antiquités nationales d'Alsace, Bourgogne, Champagne, Franche-Comte, Lorraine, Lyonnais, Niverns*. T. XXXIX. F. 1–2. N. 151–152. Dijon, p. 107–127. Fig. 14-2 с.

времени для его использования в новой храмовой декорации. Об этом, в частности, говорят и небольшие размеры используемых фрагментов — свидетельство того, что месторождение этой породы на Пелопоннесе было практически выработано.

Впрочем, для Италии XI–XIII вв. использование подобного камня в декорации средневековых полов и стен должно было быть связано именно со вторичным использованием этого камня из построек римского времени. Традиционное наименование стиля, в котором изготовлена эта орнаментация, ассоциируется с семейством украшателей — Космати, сделавших фамильный бизнес на разграблении античных построек и использовании крокеита для удовлетворения эстетических вкусов эпохи, которую вполне можно назвать Ренессансом XII в. Действительно, задолго до классического Ренессанса в культуру были вовлечены подлинные элементы античности. В период 1140–1303 гг. наибольшей известностью пользовались шесть представителей этого рода; первым свидетельством их творчества стал храм Санта-Мария-ин-Арачели (ок. 1190 г.)³². Впрочем, появление самой орнаментации с использованием античного камня и римских руин следует отнести к гораздо более раннему времени. Свидетельством участия в этом процессе греческих мастеров могут служить мозаики Монте-Кассино (1066–1071) и церкви Санта-Мария-ин-Космедин (1118–1124). Возможно, что изначально камень все же доставлялся с Пелопоннеса, как и то, что первыми мастерами были греки. Космати лишь связали новый стиль со своей фамилией. Следствием этого стала новая волна экспорта литургической моды из Италии в Европу: во второй половине XIII в. аббат Риккардо ди Варе привозит этот камень или уже готовый узор из Рима в Вестминстер для украшения алтарного пространства³³.

Однако уже в XII в. образ включения этого камня в литургическую культуру Восточной и Западной Европы начинает существенно различаться. На Западе он становится основой для изготовления переносных алтарей, известных сегодня в собраниях музея Клуни (Париж, 1030-е гг., мастерская Фульды, Нижняя Саксония; есть мнение, что этот алтарь изготовлен в Бамберге в 1024 г.) (рис. 11)³⁴, Лувра (Париж) и ризницы храма

³² *William K.* Italian Pavements: Patterns in Space. Houston, 1998; *Pajares-Ayuela P.* Cosmatesque Ornament: Flat Polychrome Geometric Patterns in Architecture. London, New York, 2001.

³³ *Foster R.* Pattern of Thought. The Hidden Meaning of the Great Pavement of Westminster Abbey. London, 1991; Westminster Abbey. The Cosmati Pavements / Ed. L. Grant, R. Mortimer // Courtauld Research papers. № 3. London, 2002.

³⁴ *Cailleet J.-P.* L'Antiquité classique, le haut moyen ages et Byzance au musee de Cluny: Sculpture et décoration monumentales, petite sculpture, orfèvrerie et métallurgie: objets d'usage personnel et profane, orfèvrerie et métallurgie: objets a destination votive ou liturgique. Paris, 1985. № 164, p. 19, 237–240; Kaiser Heinrich II. 1002–1024. Catalogue d'exposition. Augsburg, 2002, p. 333–334, № 166.

Св. Вита в Кёльне (Германия, около 1160 гг.)³⁵. Из сокровищницы герцога Саксонского (1142–1182) и Баварского (1156–1180) Генриха Льва (†1195) происходит *altare portatile* второй половины XI в., изготовленный из нашей породы камня, определенной как *porfirido verde antico* (рис. 14-б)³⁶. Появление этих предметов не выходит за пределы второй половины XI в. Алтарь из коллекции герцога Генриха, так же как и алтарь из Клуни, связан с культом св. Власия, который по праву считается константинопольским святым. Представляется, что византийские истоки поступления этого камня в литургическую культуру Европы несомненны. Столь же несомненно его общественно-литургическое употребление.

Однако на Руси крокеит ожидает иная судьба. Он становится материалом для изготовления предметов личного благочестия — крестов, которые в литературе не совсем верно называют нательными. Впрочем, инициатива в использовании камня для предметов личного благочестия принадлежала еще византийцам (рис. 13). В лондонском собрании музея Виктории и Альбрехта известна резная панагия императора Никифора Вотаниата (1078–1081) с образом Божией Матери, камень которой неверно определяется как серпентин³⁷ (рис. 12). Древнерусские кресты до сих пор были связаны исключительно с городской культурой. Наибольшее количество находок сделано в Новгороде (рис. 13). Здесь известно 10 таких крестов и 4 фрагмента породы, из которой они изготовлены³⁸. Фрагменты камня могут рассматриваться как исходный материал для изготовления крестов или отходы камнерезного производства. М. Д. Полубояринова, первоначально определившая эту породу камня как листовид, впоследствии отнесла ее к порфиридам и рассматривает эти предметы личного благочестия как византийский импорт³⁹.

Однако находки таких крестов древнерусского времени не ограничиваются Новгородом. Несколько крестов происходят из кладов в Старой Рязани (рис. 14-1, 2)⁴⁰, ряд крестов и фрагментов камня связан с Кие-

³⁵ *Ornamenta Ecclesiae. Kunst und Künstler der Romanik. 1 katalog zur Schnutgen-Museums in der Josef-Haubrich-Kusnthalle. 2. Koln, 1985, S. 404–405. F. 45.*

³⁶ *Neumann W. A. Der Reliquienschatz des Hauses Braunschweig — Luneburg. Wien. 1891. № 12, S. 126–128.* Благодарю к.и.н. с.н.с. ИИМК РАН А. А. Пескову, указавшую мне это издание.

³⁷ *Beckwith J. Studies in Byzantine and Medieval Wesren Art. London, 1989, p. 281; Gnoli R. Marmora romana. Fig. 141.*

³⁸ См. Приложение 1.

³⁹ *Полубояринова М. Д. Полудрагоценные камни и янтарь в Древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Материалы научн. конференции, посв. 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. Новгород, 28 сент. — 2 окт. 1992 г. Новгород, 1994, с. 80.*

⁴⁰ См. Приложение 2.

вом и его ближайшей округой (рис. 14-3)⁴¹, два креста происходят из Владимирского клада 1865 г. (рис. 14-4)⁴². Фрагмент такого камня происходит из раскопок городища Шепетовка под Киевом (Изяславль, ГП-60/105, ОП 40–41, 1.2–1.4) (рис. 14-5)⁴³. Есть сведения о находке фрагментов исследуемого камня в Звенигороде Галицком в виде плитки из порфирита (раскопки И. К. Свешникова, 1987 г.)⁴⁴.

Таким образом, к настоящему времени нами выявлен 21 крест домонгольского времени, изготовленный из крокеита, и 6 фрагментов этого темно-зеленого камня. Следует обратить внимание на принципиальное единство внешнего вида крестов, их компактное бытование в течении XII — начала XIV вв., а также на факт происхождения большинства крестов, отходов камнерезного производства или заготовок для изделий из новгородского культурного слоя. Временем их изготовления полагаем XI–XII вв., так как второй половиной XII — первой третью XIII столетия датируется выпадение некоторых из них из среды бытования. Датировка крестов в Новгородском музее из собрания В. С. Передольского XVI–XVII вв. представляется нам необоснованной, и изготовление этих крестов также можно отнести к домонгольскому времени. Фрагменты этого камня, идеально обработанные с обеих сторон, вроде бы способны раскрыть нам технологию производства крестов из заранее выпиленных пластин этой породы (рис. 16). Однако находка на Троицком раскопе камня трапециевидной формы (19-589) (рис. 17-1, 2), который определенно был частью разрушенного мозаичного пола в византийском храме, свидетельствует скорее в пользу того, что этот материал не поставлялся на Русь в «промышленных масштабах» и целях. Возможно предположить, что мы имеем дело или с единичными случаями привоза средиземноморских «сувениров», или же с целенаправленной доставкой некоторых объемов этого камня во вторичном использовании для храмовой декорации. В этом случае можно говорить о проникновении крокеита на Север вместе с византийскими клириками и ремесленниками. Небезынтересно, что при раскопках Сигтуны (Швеция) среди материалов XI–XII вв. найдено 7 фрагментов камня этой породы, которые имеют гладкую поверхность⁴⁵. Подобные фрагменты известны и в Хедебю (Шлез-

⁴¹ См. Приложение 3.

⁴² Один из крестов имеет размер 32×27 мм. В публикации порода камня определена как серпентин. Н. П. Кондаков предполагал, что на них была золотая или серебряная оправа, ныне отсутствующая. (рис. 14-4). См.: Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5 // Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб., 1897, с. 109–110, рис. 159.

⁴³ Благодарю к.и.н. с.н.с ИИМК РАН А. А. Пескову, указавшую мне на эту находку.

⁴⁴ Благодарю к.и.н. с.н.с ИИМК РАН А. А. Пескову, сообщившую мне об этом открытии.

⁴⁵ Благодарю за сообщение моих шведских коллег Хфедира Андрошука и Стена Тесха. См. также: Tesch S. Tidigmedeltida sepulkralstenar i Sigtuna — heliga stenar från Köln för

вик, Германия), что заставляет думать о возможном «западном» пути проникновения этих фрагментов в Швецию, быть может, из римских построек Кёльна. Очевидно, «сувенирная» версия имеет все права на существование, однако мнение авторов раскопок о происхождении указанных фрагментов из переносных алтарей, подобных экземпляру из Клюни, вряд ли справедлива.

Большинство древнерусских крестов происходит из подъемного материала. В тех случаях, когда мы можем что-либо сказать об археологическом комплексе, характеризующем среду, в которой бытовали наши кресты, то речь должна идти о высоком социальном и имущественном ранге их владельцев, обладавших активными связями со Средиземноморским регионом. Это не противоречит «клерикально-ремесленному характеру» их попадания на Русь — и клирики, и ремесленники были тесно связаны с древнерусской элитой системой социальных связей. В Киеве такой крест происходит из Андреевского монастыря и вполне мог относиться к одному из княжеских погребений. Состав рязанских кладов также не оставляет сомнений в их принадлежности местному князю или боярству. Новгородский крест (17/16-14-667) (рис. 13-1) происходит с усадьбы Д Неревского раскопа, которая входила в домен городского землевладения Мишиничей — Оницифоровичей⁴⁶. Однако он найден на территории каменного фундамента «чюдного двора» Юрия Оницифоровича, заложенного в 1394–1414 гг., который прорезал культурный слой на глубину 3,6 м⁴⁷. Таким образом, датировка креста серединой XII в. может оказаться недостоверной — он, скорее всего, был перемещен в результате строительных работ или же попал в культурный слой уже во время функционирования каменной постройки. В любом случае крест должен быть связан с культурой новгородского боярства. То же можно сказать и о фрагменте породы с усадьбы И Неревского раскопа (23/24-26-1245) (рис. 13-6), которая также принадлежала клану Мишиничей-Оницифоровичей⁴⁸.

Фрагменты камня (6-966) происходит с пограничья усадеб М и К и с территории усадьбы Ж Троицкого раскопа (рис. 13-7). Незначительный комплекс берестяных грамот этих усадеб, в ряде случаев связанный с товарно-денежными операциями и являющийся показательным для оценки уровня культурной и эмоциональной жизни горожан, в целом малоинформативен для социальной характеристики проживавших

såväl hallkult som mäsa i stenkyrka // *Situne Dei. Årsskrift för Sigtunaforskning* / Red. S. Tesch. Sigtuna, 2007, S. 45–68. Fig. 1.

⁴⁶ Колчин Б. А. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // *Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I* // МИА. 1956. № 55, с. 95, 97. Рис. 32, 33.

⁴⁷ Там же, с. 62. Рис. 11, 32, 33.

⁴⁸ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981, с. 28–30.

на усадьбе лиц⁴⁹. Однако соседние усадьбы, в XIII–XIV вв. связанные с администрацией Новгородского архиепископа, в XII — начале XIII вв. традиционно рассматриваются как часть боярской патронимии Мирошкиничей⁵⁰. Известно, что в быту Мирошкиничей существовали настольные крестики из полудрагоценных камней, что засвидетельствовано материалами погребения Георгиевского собора Юрьева монастыря, которое М. К. Каргер и В. Л. Янин атрибутируют Дмитру Мирошкиничу⁵¹. В составе погребального инвентаря обнаружен фрагмент «крестика из яшмы».

Сегодня факт византийского происхождения большинства камней не может быть поставлен под сомнение. Однако в ряде случаев петрографические анализы и наблюдения позволяют соотнести исследуемую породу камня с плагиклазовым порфиритом суйсарского гранитного комплекса, месторождения которого известны в Финляндии (севернее г. Тампере и юго-восточнее г. Порво) и в Карелии, где «виданский порфирит» встречается в районе Сямозера⁵². Этот камень также, вследствие присутствия окислов железа, имеет зеленый цвет.

С учетом ряда историко-археологических реалий XII–XIV вв. мы согласны допустить «карельское» происхождение некоторых фрагментов интересующего нас камня и их появление в Новгороде в результате целенаправленной деятельности человека. В берестяной грамоте № 131 (конец XIV в.), в которой речь идет о сборе «празги» в Прионежье, упоминается Сямозеро⁵³. В момент ее написания сямозерцы находились в Новгороде. Этот регион Карелии попадает в сферу древнерус-

⁴⁹ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993, с. 71, 77, 98–100; Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000, с. 13–14, 19, 37–39, 46–49.

⁵⁰ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1998, с. 267–390.

⁵¹ Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933–1935) // КСИИМК. 1946. № 8, с. 175–224, Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М., 1988, с. 98–99.

⁵² Заведующий отделом Центрального научно-исследовательского геолого-разведочного музея им. академика Ф. Н. Чернышева С. В. Мамонов (Санкт-Петербург) склоняется к «виданскому» происхождению некоторых исследованных им образцов, представленных не самими крестами, а известными археологически фрагментами породы. Согласно экспертному заключению с.н.с. Института геологии КНЦ РАН к.г.м.н. А. Д. Лукашова и н.с. В. Г. Пудовкина (Петрозаводск), определивших породу камня как плагиклазовый порфирит, обломок порфирита из северо-западной Финляндии мог оказаться в районе Новгорода в результате ледниковой деятельности в четвертичном периоде, был случайно обнаружен и использован в камнерезном ремесле для изготовления исследуемых крестов.

⁵³ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские берестяные грамоты из раскопок 1953–1957 гг. М., 1958, с. 68–71.

ского влияния уже в XII–XIII вв.⁵⁴ Поступление в районы русского Севера стандартных типов древнерусских вещей должно рассматриваться как свидетельство колониционных процессов и распространения русских даней на указанной территории. Оригинальная порода камня могла попасть в Новгород из Карелии в результате торгово-даннических операций⁵⁵. Очевидно, однако, что основная масса камня попадала на Русь из Византии. Даже если согласиться с утверждением о петрографической близости некоторых исследуемых фрагментов «виданскому порфиристу», стоит предположить, что использование этого камня в новгородской культуре было вызвано стремлением найти заменитель престижному «зеленому камню», привезенному из Византии.

Однако на этом истории крестов из зеленого порфирита средиземноморского происхождения, изготовление которых возможно связать с Новгородом XI–XII вв., не заканчивается. Среди русских древностей позднего средневековья есть целый ряд крестов, которые изготовлены из крокеита, однако датируются они, тем ни менее, по своему художественному оформлению XVI–XVII вв. Речь идет об описанных Т. В. Николаевой и Ю. А. Олсуфьевым⁵⁶ крестах из ризницы Троице-Сергиевой Лавры, один из которых является вкладом стольника Ивана Васильевича Янова. Подобные кресты из зеленого порфирита есть и в других собраниях — ГИМ (Москва)⁵⁷ и Псковского музея⁵⁸ (рис. 15, 18). Известны еще два креста такого же камня из экспозиции Переяславль-Залесского художественно-исторического и архитектурного музея-заповедника, имеющие подобные серебряные оглавия. В свое время наши неоднократные обращения к директору музея Г. М. Петровниной и главному хранителю Н. Р. Герасимовой с просьбой сообщить хотя бы коллекционные номера указанных крестов не получили никакого отклика. Ювелирное оформление этих крестов обоснованно датируется XVI–XVII вв., но это

⁵⁴ Макаров Н. А. Колонизация Русского Севера в X–XIII вв.: некоторые итоги археологических исследований // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994, с. 156–166.

⁵⁵ «Камень аспиден зелен». Об одной группе древнерусских крестов из порфирида // Российская археология. № 3. М., 2003, с. 145–155.

⁵⁶ См. Приложение 4.

⁵⁷ ГИМ № 55236 ОК 688. Четырехконечный крест с наложенным литым Распятием назван в публикации «корсунским» и датирован XVI в. Серебряное золоченое оглавие многогранно, с резными буквами и литым изображением Спаса Нерукотворного. Вес 106,94 г (серебра — 32,0 г), размеры 105×65×13 мм. Его происхождение неизвестно (рис. 18). Литература: Россия. Православие. Культура. Каталог выставки. Ноябрь 2000 — февраль 2001. М., 2000, с. 242. Ср.: Grossmachtiges Nowgorod. Meisterwerke der Ikonenmalerei Die Kirche auf dem Wolotowo-Feld. 28. September 2003 — 18 Januar 2004. Frankfurt a. M., 2003, с. 131. Кат. 92, 93.

⁵⁸ ПГОИХАМЗ №298. Четырехконечный крест с серебряным оглавием, размеры вместе с оглавием 85×50 мм.

время — лишь *terminus ante quem* для изготовления самих каменных крестов. Единство камня позволяет считать, что весь исследуемый корпус изготовлен из одной плагиопорфировитной породы приблизительно в одно время. Это подтверждается и фактом принадлежности интересующих нас предметов к элитной княжеско-боярской культуре своего времени. Однако столь длительное переживание крестов из плагиоклазового порфирифта в культуре средневековой Руси требует объяснения⁵⁹.

Стоит обратить внимание на наименование исследуемой породы камня в лаврских описях XVII в. — «камень аспиден зелен». Термин «аспид» использовался для обозначения яшмы (*jaspis*)⁶⁰. М. И. Пыляев считает, что этим термином мог обозначаться «простой грифельный сланец»⁶¹. Н. В. Покровский полагает, что понятие «кресты аспидные» прилагалось ко всем вообще каменным крестам без различия материала⁶². Вообще, древнерусские названия драгоценных и полудрагоценных камней не тождественны их современным аналогам, которые заимствовались непосредственно из латыни и установились только в конце XVII в.⁶³ Однако определение породы камня в монастырских описях свидетельствует, что в Древней Руси он воспринимался как змеевик. Понимание того места, которое занимали кресты, изготовленные из зеленого порфирифта, в сознании и культуре Древней Руси может быть дополнено сведениями об апотропеических функциях змеевика, как они виделись средневековому мировоззрению. Это может дать дополнительные аргументы для обоснования их длительного переживания в средневековой культуре.

Роль камня в культуре Средневековья, особенно редкого камня с особой расцветкой, в целом хорошо известна. Целые сборники средневековой письменности — «лапидарии» — были посвящены целительным и защитным свойствам различных камней. Англичанин Горсей сообщает о своем свидании с Иваном Грозным незадолго до кончины царя, во время которого тот демонстрировал свою веру в магическую силу драгоценных камней⁶⁴. Однако именно с цветом камня, а не с его породой, ассоциировался у человека прошлого вполне определенный набор его сакральных свойств. Символика зеленого цвета вообще и его психологическое воздействие на человека сводится к следующим основным моментам. В цветовом ряду, определяемом понятиями «теплый / холодный», зеленый

⁵⁹ Шуман В. Мир камня. Горные породы и минералы. Т. 1. М., 1988, с. 84.

⁶⁰ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. I. Ч. I. М., 1989. Ст. 31–32.

⁶¹ Пыляев М. И. Драгоценные камни. Их свойства, местонахождение и употребление. СПб., 1888, с. 195.

⁶² Покровский Н. В. Древняя Софийская ризница в Новгороде. М.; СПб., 1913, с. 17. Табл. V, 1–5.

⁶³ Макеева И. И. История названий драгоценных камней в русском языке XI–XVII вв. / Автореф. канд. дис. М., 1986, с. 3.

⁶⁴ Пыляев М. И. Драгоценные камни. С. 10–11.

цвет занимает промежуточное место. Считается, что он стимулирует жизненный тонус, нормализует сердечно-сосудистую деятельность, стабилизирует артериальное давление. Этот цвет ассоциируется с культом плодородия и бессмертием природы, он спокойный, уверенный и освежающий. Это цвет молодой травы и листьев, он создает впечатление мягкости, приятного и благородного покоя. В символике европейской схоластики это цвет надежды, девства, созерцательной жизни⁶⁵. Все эти моменты, связанные с символикой цвета и его психотерапевтическими способностями, которые сегодняшним сознанием воспринимаются зачастую как ненаучные, могли быть значимыми для исторической психологии средневековой Руси.

В силу этого камни различной породы, но схожей гаммы зеленого цвета (гелиотроп, змеевик, изумруд, малахит, яшма), в средневековых представлениях обладали одинаковыми свойствами. Гелиотроп, темно-зеленый халцедон с кроваво-красными пятнами, который в просторечии назывался «кровавик», считался камнем, на который упали капли Христовой крови во время Голгофских страданий. Считалось, что в силу этого он мог останавливать кровотечения. Изумруд, будучи в средневековых западноевропейских представлениях камнем Люцифера, исцелял от укусов змеи. Такими же исцеляющими свойствами обладала яшма, которая одновременно служила защитой от укуса змеи и удара молнии. Активное использование яшмы-ясписа в церковной культуре должно быть связано с его освященностью авторитетом Священного Писания, где этот камень упоминается 6 раз (Исх. 28: 20, Иез. 28: 13, Откр. 4: 3, 20: 18–19, 21: 11). Малахит, еще один зеленый камень, в силу приписываемых ему целебных свойств вообще превращается в детский амулет-оберег. Известна западноевропейская поэма о камнях, принадлежащая епископу Марбодию Реннскому (1035–1123 гг.), где малахиту посвящены такие слова: «Силой своей малахит колыбели детей охраняет и отвращает от них всевозможные беды, чтобы недобрая доля их нежным телам не вредила»⁶⁶. Особое место в ряду целебных зеленых камней занимал собственно змеевик, названный так из-за своего пятнистого рисунка и зеленой окраски. Считалось, что он не только исцеляет от укуса змеи, но и позволяет владельцу такого камня избежать самого укуса. Змеевик способствовал заживлению ран и переломов. Интерполируя на древнерусское сознание то, что нам известно о зеленых камнях из этнографической и письменной традиции, с достаточной долей уверенности можно предположить, что этот камень в представлениях средневекового русского человека, в том числе из кня-

⁶⁵ Николаев С. М. Камни. Мифы, легенды, суеверия... Новосибирск, 1995, с. 28–29, 121, 169, 171–173, 284.

⁶⁶ Цитировано по: Николаев С. М. Камни. С. 198.

жеской и боярской среды, в полной мере обладал всей совокупностью целебных и защитных свойств зеленых камней⁶⁷.

Очевидно, что интересующие нас предметы — передававшиеся по наследству семейные реликвии, что и обусловило почти 500-летнее их переживание в культуре. Факт наследования нательных крестов надежно зафиксирован в источниках. Духовные грамоты великих и удельных князей неоднократно упоминают о таких случаях. Кроме крестов, являющихся национальными реликвиями, каковы, например, «крест животворящего древа в раке цареградской» (связанный с патриархом Филофеем и упоминаемый в документах с 1417 по 1572 г.)⁶⁸ и крест митрополита Петра (упоминается в 1461–1572 гг.)⁶⁹, по наследству передавались кресты из золота и серебра, обыкновенно вместе с цепями⁷⁰. Очевидно, эти кресты, хоть и были изготовлены не из драгоценного металла, все же служили родовым достоянием и включались в завещание. Особое внимание следует обратить на передаваемые по наследству предметы личного благочестия, изготовленные из камня. Так, княгиня Юлиания, вдова Бориса Васильевича Волоцкого, завещает около 1503 г. ожидаемому в будущем внуку, сыну князя Феодора, «икону камень зелен (!) обложену золотом»⁷¹.

Таким образом, существование передаваемых по наследству крестов-реликвий в княжеской среде надежно зафиксировано источниками. Генеалогия рода Яновых, представителю которого принадлежал один из вкладов в Сергиеву лавру, способна подтвердить нашу гипотезу относительно крестов из зеленого порфирита как фамильных реликвий социальной верхушки древнерусского общества. Яновы в XVI–XVII вв. были одними из постоянных и богатых вкладчиков в Троице-Сергиеву лавру⁷². Нам известны пять поколений рода Яновых⁷³. В данном случае для нас не принципиально, восходит ли род к Ивану Анд-

⁶⁷ Ср.: *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. Т. I. Ч. 2. М., 1989. Ст. 970.

⁶⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей в XIV–XVI вв. М.; Л., 1950, с. 59 (№ 21), 301 (№ 80), 362 (№ 89), 433 (№ 104).

⁶⁹ Духовные и договорные грамоты. С. 197 (№ 61), 362 (№ 89), 433 (№ 104).

⁷⁰ Духовные и договорные грамоты. С. 16 (№ 4), 59 (№ 21), 175 (№ 57), 197 (№ 61), 249 (№ 71), 276 (№ 74), 345 (№ 86), 351 (№ 88), 362 (№ 89), 408 (№ 98), 433 (№ 104).

⁷¹ Духовные и договорные грамоты. С. 349 (№ 87).

⁷² *Леонид (Кавелин)*, архимандрит. Надписи Троице-Сергиевой лавры. СПб., 1881. С. 9, № 10. С. 57, № 231. С. 64, № 255. С. 14, № 19. С. 62, № 245. С. 51, № 188.

⁷³ *Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974, с. 381; *Он же.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975, с. 600–601; Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 года. Указатель состава государева двора по фонду разрядного приказа. М., 1979. Ч. 1. Кн. 1, с. 268. Кн. 2, с. 46; *Вишневский В. И.* Новые находки средневековых надгробий некрополя Троице-Сергиева монастыря // Труды по истории Троице-Сергиевой лавры. М., 1998, с. 72–87.

реевичу Яну Ростовскому середины XV в., в связи с чем Яновы и называются «царю Шуйскому по жене племя», будучи связанными с династией ростовских удельных князей, или же они ведут свое начало от Михаила Даниловича Янова, удельного боярина Василия Дмитриевича Шемячича⁷⁴. Род Яновых предстает перед нами древним, знатным и состоятельным, и среди его семейных реликвий вполне могли находиться предметы домонгольской эпохи.

Представляется, что именно совокупность отмеченных выше исторических моментов — память о «византийском» происхождении камня, традиция бережного отношения к христианской святыне, передача фамильных реликвий по наследству, материальная ценность предмета, связанная с редкостью камня и возможным наличием серебряных накладок с ювелирной орнаментацией, исторически сложившееся восприятие данного камня в единстве его символических, эстетических и психотерапевтических свойств — определила столь длительное, вплоть до XVI–XVII вв., бытование в княжеской среде Московской Руси каменных крестов, вырезанных в Древней Руси из пелопонесского крокеита в XI–XII вв. Попадание этих реликвий в монастырские ризницы в качестве вкладов может быть связано с разрушением традиционного семейного быта княжеских родов в условиях создания централизованного Российского государства, что повлекло за собой переоценку значения крестов из «аспидного камня» в системе средневековых ценностей.

Мы видим, что один и тот же камень могли постигнуть три разные судьбы, связанные с особенностями христианской культуры европейских народов. Общинно-храмовое использование камня в Византии сменяется евхаристическим, но все же общественным, институционализированным благочестием Европы, запечатленном в традиции изготовления переносных алтарей. В Древней Руси крокеит был призван обслуживать личное, персонализированное благочестие, нашедшее отражение в воротных крестах. Очевидно, перенесение сакрального пространства в определенный момент развития христианской культуры могло совершаться «по частям», без воспроизведения цельного образа, по принципу «pars pro toto». «Камень аспиден зелен» определенно воспринимался как часть византийского храмового, сакрального пространства, даже если он попадал в руки «пользователя» в виде разрозненных фрагментов *opus sectilae*. В данном случае интересно проследить характер рецепции византийской

⁷⁴ *Петров П. Н.* История родов русского дворянства. Т. I. Рюриков род. Русские природные князья и дворяне. СПб., 1885, с. 97, 100; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888, с. 92, 528–532; *Лихачев Н. П.* О происхождении Яновых // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. Отд. 1, с. 150–154; *Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974, с. 381.

культуры и его трансформацию в инокультурной среде. Однако ориентация на престижные элементы столичной культуры, которые люди средневековья стремились воспроизвести по частям в силу сложностей перенесения целого, в этих действиях безусловно присутствует. Конкретная источниковедческая работа с комбинацией этих элементов и позволяет создать исторический образ перенесения сакрального.

Если рецепция «сакрального», заимствованного из византийского мира, решалась на христианском Востоке и Западе по-разному, то и проблема «утилизации сакрального» также имела свои особенности. Известно, что большинство средневековых паломнических инсигний во Франции происходит из музейных коллекций Парижа⁷⁵ и Руана⁷⁶, собранных во второй половине XIX в. во время чистки дна р. Сены. Наиболее изученной является парижская коллекция, на основе которой в основном и делаются выводы обо всем феномене паломнической культуры в целом⁷⁷, хотя строгой хронологии и географии этих инсигний в работах пока нет. Считалось, что, помимо удостоверения самого факта паломничества, эти знаки позволяли отличать паломников от других путешественников. Их целительная сила, согласно народным верованиям, заключалась в кантагиозной магии, возникавшей после освящения значка на могиле святого.

Одной из загадок инсигний был факт их массового обнаружения в речных отложениях. Д. Бруна высказал предположение, что значки добровольно были брошены в воду, поскольку стали не нужны в ситуации новой религиозности. Возможно, это сопровождалось произнесением обетов или выражением благодарности за совершенные благодеяния⁷⁸. Сам же первооткрыватель значков А. Форже предполагал, что инсигнии делались в мастерских на парижский мостах через Сену, и гибель этих мастерских в пожарах как раз и привела к тому, что значки оказались в воде.

Некоторое количество значков все же было обнаружено при археологических раскопках. Так, 48 экземпляров найдено в Сан-Дени. Одна-

⁷⁵ *Forgeais A.* Collections de plombs histories trouves dans la Seine. 2e serie. Enseigne de pelerinages. Paris, 1863; *Forgeais A.* Collections de plombs histories trouves dans la Seine. 4 serie. Imagerie religieuse. Paris, 1865; *Bruna D.* Enseignes de pelerinage et enseigne profanes. Catalogue. Paris, 1996.

⁷⁶ *Vivre au Moyen Age.* Archéologie du quotidien en Normandie, XIIIe–XVe siècles. Caen, 2002, p. 299–300. № 273–280.

⁷⁷ *Bruna D.* Les enseigne de pèlerinage et les coquilles de Saint-Jacque dans les sépultures du Moyen Age en Europe occidentale // *Bulletin de la société nationale des antiquaires de France.* 1991, p. 179–190; *Bruna D.* Enseignes de pèlerinage et enseigne profanes. Catalogue. Paris, 1996; *Bruna D.* Enseignes de pèlerinage et identité du pèlerine // *Les cahiers de Saint-Michel de Cuxa.* 31. 2000, p. 59–63.

⁷⁸ *Bruna D.* Enseignes de pèlerinage et enseigne profanes. P. 20.

ко они опять же происходят из речных наносов ныне не существующей реки Крул⁷⁹. Однако сенсацией последнего времени можно назвать исследования А. Тиксатора в Валенсьен (Нор), во многом ответившие на вопросы о загадочном происхождении свинцовых паломнических реликвий из речных отложений⁸⁰. В течении 1999–2003 гг. здесь было обнаружено около 300 инсигний общим весом 1059 г. Удалось установить, что все обнаруженные объекты были брошены в воду с лестницы пристани богатой графской резиденции Hotel de Holland.

Как предположил автор раскопок, это место считалось благоприятным для произнесения обетов, что и привело к появлению локального культа. Однако на ряде значков есть следы предварительной поломки. К тому же в XV в. графская семья перестала пользоваться этой резиденцией. Следует обратить внимание на то, что и другие бытовые вещи, в том числе керамическая и оловянная посуда, были найдены вместе с инсигниями, т. е. они тоже были выброшены с садовой лестницы. Возможно, это указывает на обстоятельства, связанные с освобождением помещений дворца при смене постояльцев или арендаторов.

Очевидно, факт добровольного выбрасывания сакральных объектов в реки необходимо поместить в контекст религиозного менталитета эпохи и этнологических наблюдений. Исчезновение паломнических инсигний из общественной практики традиционно объяснялось постепенным превращением этих свидетельств паломничества из знака идентификации в знак памяти. К тому же в это время, в XV–XVI вв., отмечено появление новых форм социальной памяти, вообще наступает эпоха новой религиозности, что делает прежние формы, связанные с инсигниями, уже не нужными. Одновременно состав выброшенных в реки коллекций указывает на то, что к XV в. в паломничестве возросла роль местных святилищ⁸¹.

Мы считаем, что именно факт утери сакральными объектами своей актуальности без очевидной утраты собственно сакрального значения и привел к тому, что от них стали добровольно избавляться, выбрасывая в реки. Это хорошо согласуется с известной из европейской этнографии

⁷⁹ *Meyer-Rodrigues N.* Enseignes de pèlerinage // Les découvertes archéologiques et les témoignages historiques Saint-Denis de Sainte Geneviève a Suger / Dossiers d'archéologie. 297. 2004, p. 111–113; Saint-Denis. Recherches Urbaines 1983–1985. Bilan des fouilles. Saint-Denis, 1985, p. 98–102; Chronique d'archéologie médiévale // Archéologie médiévale. № 15. Caen, 1985, p. 228.

⁸⁰ Chronique d'archéologie médiévale // Archéologie médiévale. № 32. Caen, 2002, p. 200; *Tixador A.* Enseignes sacrées et profanes médiévales découvertes à Valenciennes. Un peu plus d'un kilogramme d'histoire. Valenciennes, 2004, p. 9–13; *Tixador A.* Valenciennes. Place de marche. Port fluvial. Bilan scientifique de la région Nord-Pas-de-Calais. Service régional de l'archéologie. 2003, p. 88–91.

⁸¹ Art et société en France au XVe siècle / Dir. C. Prigent. Paris, 1999, p. 623–625.

традицией утилизации сакрального, вышедшего из обихода, когда священные предметы бросали в проточную воду, «пускали по воде»⁸². Так русский крестьянин поступал с иконой, на которой стерлись лики и осыпались краски. Так французский буржуа поступал с паломническими инсигниями, которые во множестве скопились в его доме за многочисленные поколения, однако перестали быть религиозно нужными. В обоих случаях они действовали в соответствии с традиционным менталитетом, не погрешая против народного отношения к святыне. Но, по сути дела, так же поступал и русский боярин, делая вклады в монастыри в виде крестов из крокеита, которые были им получены в наследство от своих древнерусских предков. Это добровольное, в рамках традиционного сознания, избавление от сакральных предметов в XV–XVI вв. свидетельствует о процессах изменения религиозного менталитета. Несмотря на определенное различие в формах проявления этих изменений, в целом сами изменения оказываются сопоставимыми и синхронно-стадиальными как для христианского Запада, так и для христианского Востока.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Каталог крестов из крокеита и его фрагментов в Великом Новгороде:

- 1) Крест четырехконечный, 27×17 мм, толщина 10 мм, 1130–1160-е гг. (Н-54, 17/18-14-667, КП-17608/18) (рис. 14-1).
- 2) Крест четырехконечный, 42×39 мм, толщина 9 мм, конец XIII — первая половина XIV вв. (Н-95, Тр-ХII, +1-1395) (рис. 14-2).
- 3) Крест четырехконечный, 45×40 мм, толщина 10 мм, нижний конец обломан, в верхнем конце находится канал для подвешивания, подъемный материал 1970-1972 гг., найден при зачистке дна р. Волхов, в описи датирован второй половиной XII — первой половиной XIII вв. (№18А/68ПМ/25408) (рис. 14-3).
- 4) Крест четырехконечный, 45×33 мм, толщина 3 мм, происходит из подъемного материала, ушко для подвешивания отсутствует, что характеризует его как заготовку, созданную в местной мастерской (КП-2237/10) (рис. 14-4).
- 5) Крест четырехконечный из коллекции В. С. Передольского, находится в экспозиции НГОМЗ (зал 10, витрина 7, № 2240-2).
- 6) Крест четырехконечный из коллекции В. С. Передольского, находится в экспозиции НГОМЗ (зал 10, витрина 7, № 2237-11), в топографической описи экспозиции материал обоих крестов, со ссылкой на М. Д. Полубояринову, определен как листовинид, а сами кресты датированы XVI–XVII вв.
- 7–9) Три подобных креста, небольших по размерам, экспонируются в экспозиции НГОМЗ, все они являются случайными находками и происходят из депаспортизованных коллекций.
- 10) Еще один крест хранится в фондах РЭМ (2248-1, 80×65 мм), он поступил в музей в 1909 г. из коллекции иеромонаха Антония (Кирилловский уезд Новгород-

⁸² *Цеханская К. В.* Иконы в народной жизни // *Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков.* М., 2001, с. 307.

ской губернии), однако, учитывая, что даритель долго проживал в самом Новгороде, крест можно считать новгородским (рис. 14-5).

- 11) Фрагмент камня подпрямоугольной формы, идеально обработанный с двух сторон, 26×30 мм, толщина 21 мм (Н-56, 23/24-26-1245, КП-34767/А 78/2208), вторая половина XI в. (рис. 14-6).
- 12) Фрагмент камня неправильной формы, идеально обработанный с двух сторон, 42×37 мм, толщина 16 мм (Н-91, Тр-IX, 6-966-95, КП-38944/А123/304), первая половина — середина XIV в. (рис. 14-7).
- 13) Фрагмент камня, обработанного с четырех сторон, 5×1 см (Н-84, Тр VII, 10-586; КП 34499/259) (рис. 16).
- 14) Фрагмент камня трапециевидной формы, с одной идеально обработанной поверхностью и следами цемяночного раствора, 25×25×20 мм (фрагмент *opus sectilae*) (Н-85, Тр VII, 19-589; КП 35697/413) (рис. 17-1, 2).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Кресты из крокеита, происходящие из Старой Рязани:

- 1) Крест, материал которого авторами публикации предположительно определен как «змеевик», по внешнему виду камня определенно идентифицируется с интересующей нас группой христианских древностей. Он имеет серебряную оправу, украшенную зернью и сканью. Происходит из клада 1970 г. Размеры 53×43×15 мм. Отверстия для продевания нити окаймлены зернью. Очевидно, крест носили поверх одежды на ожерелье из серебряных бус, найденных в составе того же клада. На это указывают его размеры и сильная стертость краев отверстия. В публикации крест считается привезенным из Крыма: «На Руси подобные крестики-„корсунчики“ снабжали серебряными наконечниками, украшенными зернью и сканью». В целом клад представлен изделиями рязанских мастеров, и оправу крестов можно считать произведением местного ремесла. Клад найден на пахотной земле в прибрежной части Южного городища, в 100 м к северу от фундаментов Борисоглебского собора. Культурный слой в этом месте датируется концом XII — первой третью XIII вв., и клад может быть отнесен ко времени до 1237 г. (рис. 14-1).
- 2) Крест-тельник, 33×25 мм, из темно-зеленого камня («змеевика», по определению авторов публикации) с серебряными накладками на концах с зерневым орнаментом в виде ромбов и ромбовидного креста происходит из Старорязанского клада 1950 г. Клад относится к XIII в., сокрытые в нем предметы имеют местное происхождение (рис. 14-2). Необходимо добавить, что идентичный по оформлению крест из аналогичного камня с серебряными насадками с узором из зерни находится в собрании ГИМ и был представлен на временной выставке «Россия. Православие. Культура» (ноябрь 2000 — февраль 2001 гг.), однако в каталоге не упомянут.

Литература: Даркевич В. П., Монгайт А. Л. Клад из Старой Рязани. М., 1978, с. 7, 11. Табл. XVI, 5; Даркевич В. П., Кравченко Т. А., Монгайт А. Л., Раппопорт П. А. Раскопки на городище Старая Рязань // АО. 1970. М., 1971, с. 81–85; Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995, с. 56; Монгайт А. Л. Старая Рязань // МИА 1955. № 49, с. 151. Рис. 118, 8. Сравни: Россия. Православие. Культура. Каталог выставки. Ноябрь 2000 — февраль 2001. М., 2000, с. 17–24.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Кресты из крокеита из Киева и его округи:

- 1) Крест «темно-зеленого мрамора» из городища Княжа гора, Черкасского уезда Киевской губернии.
- 2) Крест из «темно-зеленого камня» с серебряной окантовкой на верхней ветви происходит из села Монастырек Каневского уезда Киевской губернии.
- 3) И. Хойновский в 1892 г. в Киеве (усадебный участок Трубецкого, угол Владимирской и Трехсвятительской улиц) обнаружил расколотый на куски шиферный розовый саркофаг, связанный железными прутьями. В погребении был обнаружен фрагмент «мраморного зеленого креста» и согнутый пополам меч в отделанных золотом ножнах. Территория усадьбы могла относиться к Андреевскому Янчину монастырю, основанному в 1086 г. Летопись сообщает о погребении здесь князей Ярополка Владимировича в 1139 г. и Владимира Андреевича в 1170 г. Обломок креста, материал которого в публикации назван мрамором (*Verdo antiquo*), хорошо представлен на рисунке. Относительно возможного происхождения этого камня И. Хойновский пишет: «Кусочки этой исчезнувшей породы мрамора попадают в развалинах дворца Кесаря в Риме, раскопанных Наполеоном III, где я их приобрел для своего музея. Побитый крест очень поврежден, но по найденному куску перекрестия видно, что он был шлифован, поверхность его гладкая, без орнамента, вероятно, крест этот был из того рода крестов, какие кладут в руки покойников» (рис. 14-3).
- 4) Крест размером 30×20 мм происходит из раскопок В. Хвойко в 1908 г. на территории фундаментов Десятинной церкви (№ НМІУ В-4553/133, XII–XIII вв).
- 5) Крест размером 23×19×7 мм был найден на Фроловской горе в Киеве, первоначально находился в коллекции В. Е. Гезе, а с 1916 г. — в коллекции И. С. Остроухова, откуда попал в собрание ГТГ (№ 12137); грани ветвей у перекрестья слегка стесаны; в публикации датирован X–XII вв.
- 6) Крест размером 31×22×7 мм из собрания ГТГ (№ 12177), датируемый в публикации X–XII вв., был найден на юге России и происходит из той же коллекции. Г. В. Сидоренко относит описанные кресты к разряду «курсунчиков».

Литература: *Ханенко Б. И., Ханенко В. Н.* Древности русские. Кресты и образки. Вып. 2. Киев, 1900. Таб. 18. Рис. 171, 177; *Хойновский И. А.* Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весной 1892 года. Археологическо-историческое исследование. Киев, 1893, с. 38. Табл. 15. Рис. 83; Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000 ліття освячення. Київ, 1996, с. 150, 152. Рис. 16; Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Древнерусское искусство X — начала XV века. М., 1995, с. 214, 218; *Сидоренко Г. В.* Кресты-«курсунчики» из коллекции Гезе-Остроухова в собрании Государственной Третьяковской галереи // XVIII Международный конгресс византистов. Резюме сообщений. Т. 2. L–Z. М., 1991, с. 1055–1056.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Кресты из крокеита в ризнице Троице-Сергиевой лавры:

- 1) Крест четырехконечный с оглавием и серебряными накладками на концах, 91×51×15 мм (№ 151/№ 1866). Т. В. Николаева определяет его материал как «порфирит миндалекаменный», Ю. А. Олсуфьев — как «зеленую яшму». Размеры каменного креста 70×50×15 мм. На лицевой стороне креста помещена крестообраз-

ная пластина с литым изображением Распятия низкого рельефа. У большой перекладыни литые изображения фигур Божией Матери и Иоанна Предтечи. На трех серебряных накладках проволокой сделаны надписи «ИС», «ХС», «НИ». На нижнем конце накладка с резной надписью «МЛРБ». Оглавие литое с Образом Нерукотворного Спаса. Концы креста соединены жгутиками, обвитыми проволокой. В описи 1641 г. крест значится как «крсть аспиден зелен, на нем Распятие Гдне литое, по ручкам обложен серебром, золочен». В описи 1673 г. крест, описанный как «крсть аспиден зелен, обложен серебром, позлачен», помещен среди вкладов Ивана Грозного. Дата — XVI в. Место изготовления — Москва (рис. 15-1).

Литература: *Николаева Т. В.* Произведения мелкой пластики XIII–XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960, с. 307–308; *Олсуфьев Ю. А.* Опись крестов Троице-Сергиевой лавры до XIX века и наиболее типичные XIX века. Комиссия по охране памятников искусств и старины Троице-Сергиевой Лавры. Б/М., 1921, с. 40. № 42/44.

2) Крест четырехконечный, концы обложены золоченым серебром, 53×30×8 мм (№ 152/№ 1860). Т. В. Николаева считает, что крест изготовлен из талькового сланца, а Ю. А. Олсуфьев — что из зеленой яшмы. Размеры самого каменного креста 37×30×8 мм. На лицевой стороне помещена крестообразная пластинка с литым изображением Распятия низкого рельефа. Над изображением Христа резная надпись «ИС ХС». На накладках резные надписи «ЦРЬ СЛАВЫ», «ИС ХС НИКА». На оглавии резное изображение Нерукотворного Спаса. Концы креста соединены проволокой, обвитой жгутиками, на которых укреплено по жемчужине. В лаврской описи 1641 г. крест значится как «крсть аспиден зелен, на нем Распятие Гдне литое, глава серебряная гладкая, по ручкам обложен серебром, золочен, между ручками четыре жемчужины невелики». Крест считается вкладом Ивана Грозного.

Литература: *Николаева Т. В.* Произведения мелкой пластики, с. 308; *Олсуфьев Ю. А.* Опись крестов, с. 40.

3) Крест четырехконечный с золочеными накладками и оглавием, 100×63×12 мм (№ 154/№ 1869). Архимандрит Леонид (Кавелин) считает, что крест «яшмовый», а Т. В. Николаева определяет материал как порфирит миндалекаменный. Размеры самого каменного креста 78×63×12 мм. На концах креста серебряные с золочением накладки, соединенные между собой проволокой, на которых помещены 3 красных камня (четвертый на нижней ветви утрачен). На лицевой стороне серебряная крестообразная пластинка с закрепленным на ней изображением Распятия и резной надписью «ИИЦИ». На серебряной обкладке верхней ветви надпись «ЦРЬ СЛАВЫ», на боковых «ИС ХС», на нижнем конце креста изображение черепа и скрещенных костей. В оглавии на лицевой стороне резное изображение Нерукотворного образа Спасителя. На обороте на серебряной обкладке верхнего выступа резная надпись: «ЛЕТА ЗРОЕ ГОД МЦА АКТЯБРЯ А ДН САСТРОИЛ СЕ КРСТЪ СТОЛНИКЪ ЮАН ВАСИЛЕВИЧ ЯНОВ». На оглавии с оборотной стороны имеется резное изображение херувима с надписью «ХЕРОВИМ». Крест является вкладом московского стольника Ивана Васильевича Янова, ювелирное оформление креста датируется 1 октября 1666 г. (рис. 15-2, 3).

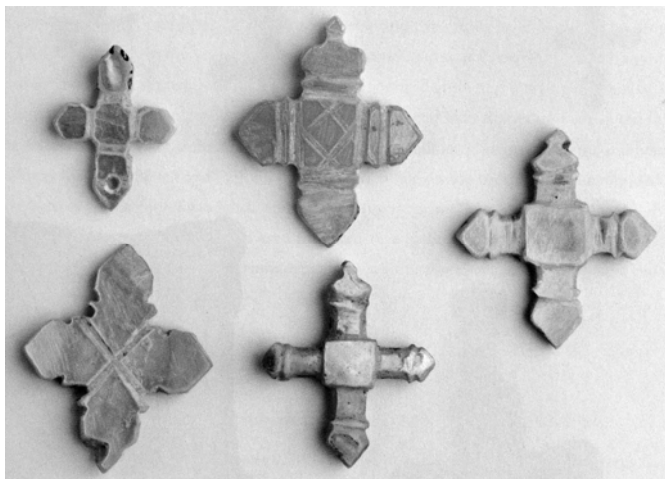
Литература: *Николаева Т. В.* Произведения мелкой пластики, с. 309–310; *Олсуфьев Ю. А.* Опись крестов, с. 76; *Леонид (Кавелин)*, архимандрит. Надписи Троице-Сергиевой лавры. СПб., 1881, с. 51. № 189.

Alexander Musin

Research Institute for Material Culture, Saint Petersburg

PILGRIMAGE AND PECULIARITIES OF “TRANSLATIO SACRA”
IN CHRISTIAN EUROPE

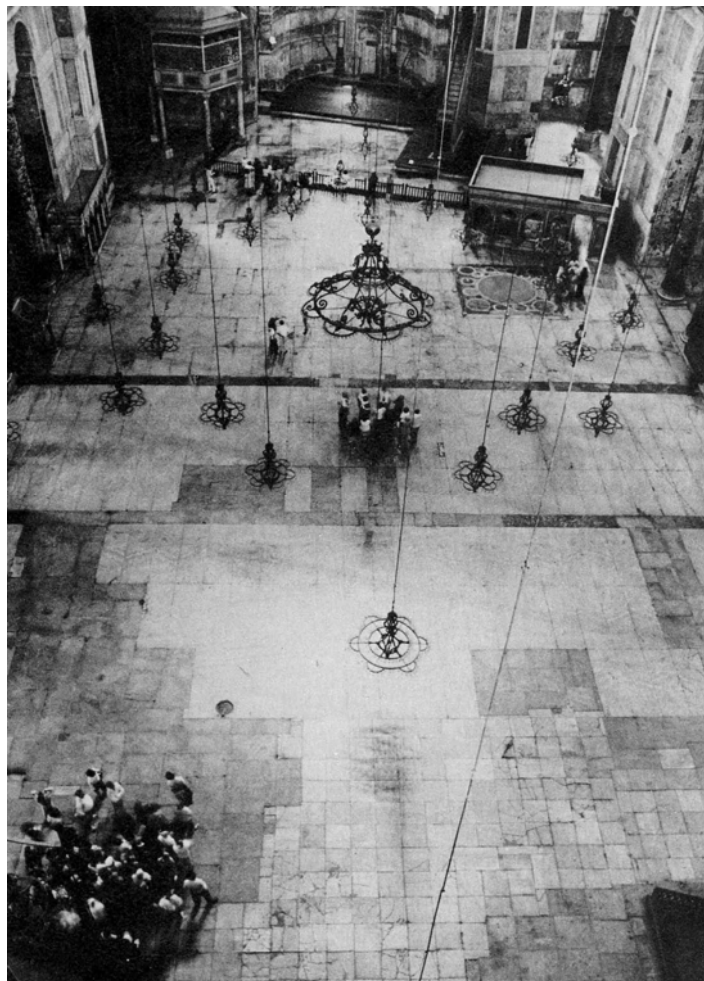
The article is dedicated to comparative study of material culture of pilgrimage in Latin Europe and Christian East. Christian West kept the tradition of pilgrim souvenirs as a mean of social representation that led to the using of medieval pilgrim badges. Christian East created the objects of private devotion in the form of cross and icons-pendants. In the Holy Land during the Latin rule the French craftsmen made the cross-pendant from nacre, especially for Russian palmers, and they were not known in Europe. Also, East and West used in the different way the decorative stone called *Marbr Laconicus Spartae* or *Porfirido Verdo Antiquo* brought from Byzantium as pilgrim relics that were linked to the prestigious imperial sacred spaces. In the article I regard the different meanings of using of this green stone in the decorations and *opus sectilae* in St Sophia of Constantinople, Pantacrator monastery, Studios basilica and Kahrie-Jamii church. At the beginning, Europe also has used the porphyry for church decoration (Saint-Denis, Bamberg, Westminster, Saint-Benoit-sur-Loire, Kiev), but after 1000 in the West it was a rough material for *altarae portatiliae* (Cluny, Louvre, Köln), and in Russia — for cross-pendants found in Novgorod, Kiev, Ryazan, Vladimir. This kind of crosses survived in the prince's and boyar's family until 1600, when they became deposits in monastery's sacristies. It was linked to the changing of religious mentality. In Europe in the same time and within the same cases the pilgrim badges were thrown voluntary out in the rivers according to the ancient Indo-European tradition that prescribed to get rid of the sacral things by the hurling in running water. As a conclusion, I suppose that at Christian East until 1500 it was not usual the process of “translatio sacra” as a whole space, as it was in Western Europe, where on of the earliest copy of Jerusalem aedicule was not only the famous Nevy church but also the subterranean chapel of 1100s in Aubeterre-sur-Dronne (Guyenne, France).

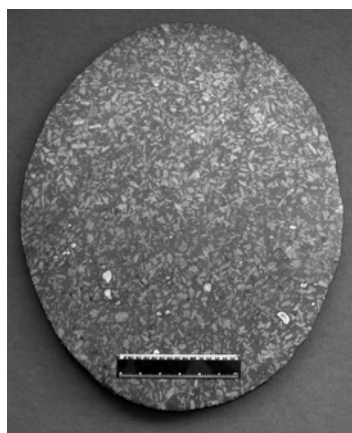
1. Кресты из перламутра. Замок Атлит, Палестина, XII–XIII вв.

2. Подobie Кувуклия Гроба Господня, высеченное в скальном грунте. XII в., Обтер-сюр-Дрон (Гиен), Франция

3. Храм Св. Софии. Наос храма с разграничительными «зелеными линиями»
Стамбул — Константинополь

4. Медальоны из нижней галереи Св. Софии, находящиеся *in situ* и в фонде Т. Whitmore в Париже (фото автора)

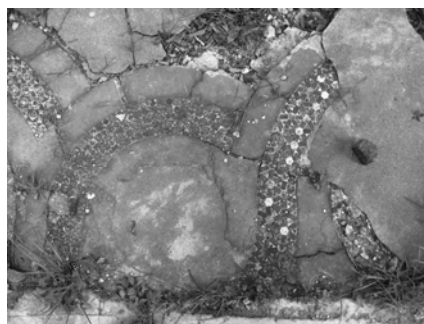
5. Ограничительная «П-образная» линия на хорах Св. Софии, предположительно отмечающая место присутствия императрицы (фото автора)

6. Мозаичная плита, имитирующая камень помазания в монастыре Пантократора, Константинополь. XII в.

7. Квадратное пространство перед солеей, ограниченное каменной лентой из крокеита. Карие-Джами, XIV в. (фото автора)

8. Мозаичный пол Студийской базилики. Константинополь. XI в. (фото автора).

9. Алтарная вымостка из аббатства Сан-Бенуа-сюр-Луар (Луарэ), Франция, начало XI в.

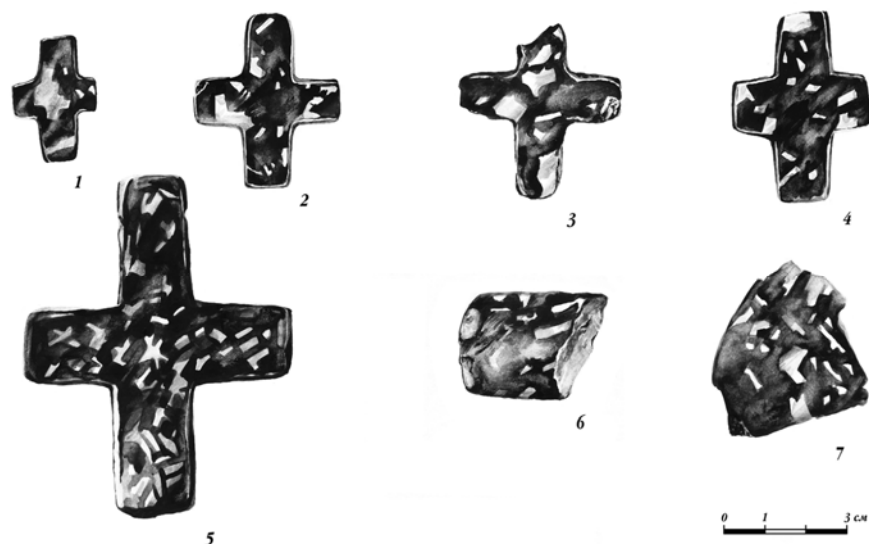
10. Омфалий Десятинной церкви. Киев, Украина. 966 г.

11. Переносной алтарь из крокеита. Нижняя Саксония. Музей Клуни, Париж. XI в.

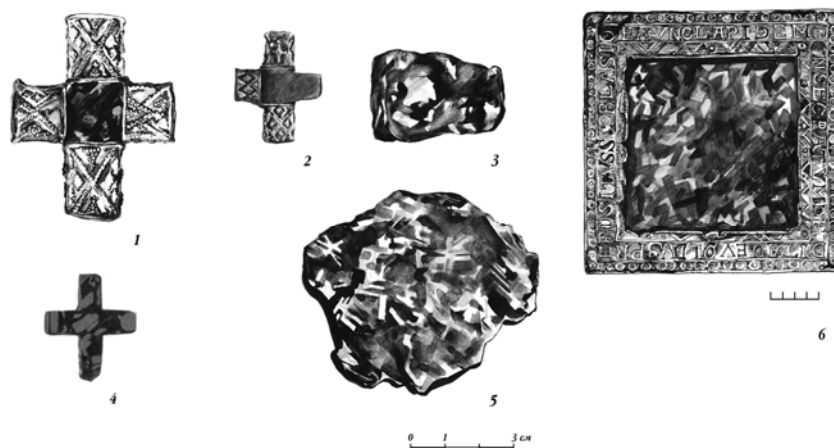

12. Панагия Никифора Вотаниата с образом Божией Матери. Музей Виктории и Альбрехта. Лондон. 1078–1081 гг.

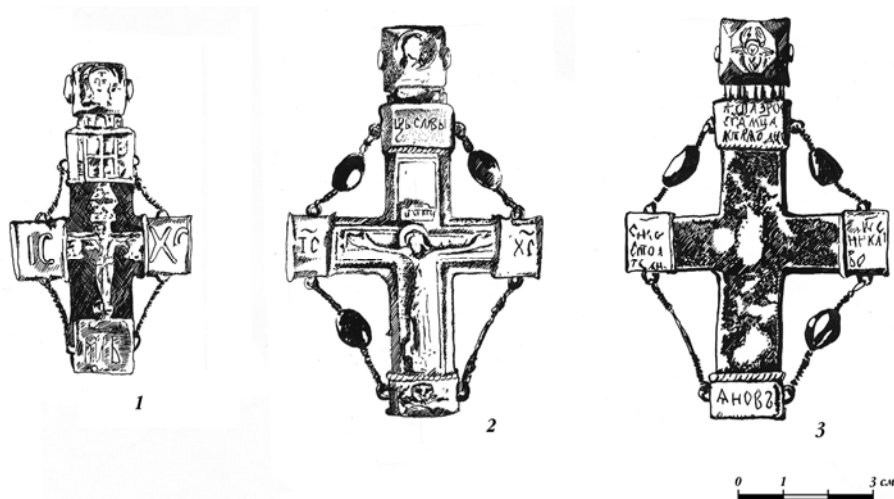
13. Древнерусские кресты из крокеита и его фрагменты. XI–XII вв.:

- 1 — Новгород, Неревский раскоп (7-14-667);
- 2 — Новгород, Троицкий раскоп (XII-Б-+1-1395);
- 3 — Новгород, случайная находка (КП25406/18А/68ПМ);
- 4 — Новгород, случайная находка (КП2237/10);
- 5 — Санкт-Петербург, Коллекция РЭМ (№2248-1);
- 6 — Новгород, Неревский раскоп (23/24-26-1245);
- 7 — Новгород, Троицкий раскоп (IX-6-966)

14. Древнерусские кресты и литургические предметы из крокеита и его фрагменты. XI–XIII вв.

- 1 — Старая Рязань, клад; 2 — Старая Рязань, клад; 3 — Киев, раскопки И. Хойнацкого; 4 — Владимир, клад XIII в.; 5 — Шепетовка, раскопки М. К. Каргера; 6 — Altare portatile из коллекции герцога Генриха Льва, XI в.

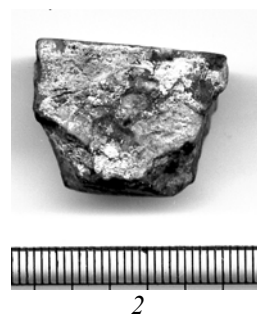

15. Древнерусские кресты из крокеита XI–XVI вв.

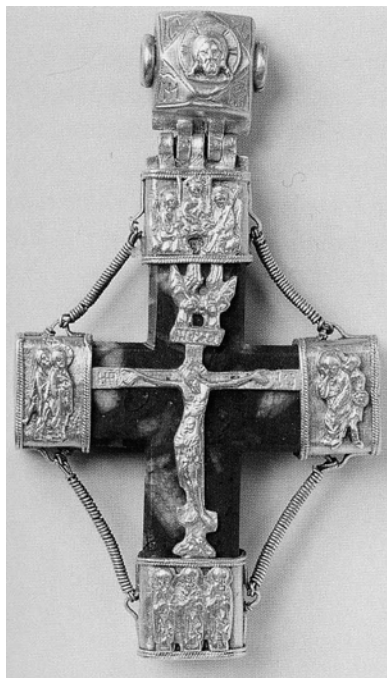
1 — Троице-Сергиева Лавра (№151/№1866); 2, 3 — Троице-Сергиева Лавра (№154/№1869)

16. Фрагмент крокеита. Великий Новгород. (Н-84, Тр VII, 10-586; КП 34499/259)

17. 1, 2 — Фрагмент крокеита. Великий Новгород. (Н-85, Тр VII, 19-589; КП 35697/413)

18. Крест из крокеита с накладками из драгоценных металлов. XI–XVI вв.
ГИМ